

**ФИЛОСОФСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О СПОРТЕ
ХОСЕ ОРТЕГИ-И-ГАССЕТА****А. В. Шумской***Уральский государственный университет физической культуры*

Поступила в редакцию 19 марта 2021 г.

Аннотация: в статье предпринимается попытка реконструировать рецепцию Хосе Ортеги-и-Гассетом спорта как феномена жизни. Философское мировоззрение великого испанского философа вобрало в себя идеи различных философских направлений конца XIX – первой половины XX в. Размышления о спорте Хосе Ортеги-и-Гассета были инспирированы влиянием философии Ф. Ницше и экзистенциализма. Спорт рассматривался им как глубинное ядро человеческой жизни, особого рода жизненная энергия, свободно и спонтанно реализуемая человеком. Противоположностью спортивного усилия, по мнению Ортеги, является труд, трактованный им как такое усилие, которое лишено качества и собственной значимости и осуществляется в силу необходимости. Антропология Хосе Ортеги-и-Гассета базировалась на идее существования внутри биологического и утилитарного человека другого, расточительного и спортивного, представляющего собой более глубокий пласт человеческой экзистенции. Таким образом, Ортега приходит к открытию «спортивного смысла жизни».

Ключевые слова: философия, спорт, игра, жизнь, спортивное усилие, труд, экзистенция, Хосе Ортега-и-Гассет.

Abstract: the article attempts to reconstruct Jose Ortega y Gasset's reception of sport as a phenomenon of life. The philosophical worldview of the great Spanish philosopher incorporated the ideas of various philosophical trends of the late 19th – first half of the 20th centuries. Reflections on sports of Jose Ortega y Gasset were inspired by the influence of the philosophy of F. Nietzsche and existentialism. He viewed sport as the deep core of human life, a special kind of vital energy, freely and spontaneously realized by a person. The opposite of sports effort, according to Ortega, is work, which he interpreted as an effort that is devoid of quality and self-worth and is carried out of necessity. The anthropology of Jose Ortega y Gasset was based on the idea of the existence within a biological and utilitarian person of another, wasteful and athletic, representing a deeper layer of human existence. Thus, Ortega comes to the discovery of the «sporting meaning of life».

Key words: philosophy, sport, play, life, sports effort, work, existence, Jose Ortega y Gasset.

Хосе Ортега-и-Гассет – один из немногих западноевропейских философов XX в., в работах которого спорт рассматривался как серьезное фундаментальное явление жизни. Философское миропонимание испанского мыслителя вряд ли можно отнести к какому-либо одному философскому направлению. Его мысль формировалась под влиянием и во взаимодействии с ключевыми философскими и интеллектуальными

течениями конца XIX – первой половины XX в.: прагматизма, философии жизни, экзистенциализма, феноменологии. Хосе Ортеги-и-Гассету удалось творчески переплавить важнейшие идеи крупнейших философов своего времени и построить собственное оригинальное философское мировоззрение, которое он называл рაციовитализмом. Проблемное поле его философских интересов было достаточно широким, оно охватывало онтологические, гносеологические, философско-антропологические и социально-философские проблемы.

Обращение к проблеме спорта, с одной стороны, было обусловлено влиянием на него философии жизни Ницше, и, в частности, идеей Ницше о дионисической стихии жизни, с другой стороны – его собственными экзистенциальными переживаниями сущности жизни. Философия жизни Ницше вдохновила Ортегу перейти от концепции чистого разума немецкой классической философии и рационализма Декарта к идее жизненного и исторического разума, который имманентен самой жизни и не противопоставляется ей [1, р. 417]. Испытав сильное влияние Ницше, Ортега вместе с тем дистанцировался от биологизма и витализма, преобладавших в мировоззрении немецкого философа. Ему был чужд как рационализм Нового времени, так и иррационализм, столь характерный для философии жизни XIX в. Рациональное начало должно быть уравновешено виталистическим, чистый разум должен уступить место историческому разуму – таковы фундаментальные посылки Хосе Ортеги-и-Гассета.

Свою концепцию рაციовитализма Ортега-и-Гассет также противопоставлял утилитарной и гедонистической трактовке жизни. Смысл человеческой жизни состоит не в приспособлении к окружающей среде либо поиске исключительно удовольствий и наслаждений, а в творческом преобразовании и изменении условий жизни, в которые «заброшен» индивид, творческом самосозидании личности. Пафос творчества, который Ницше возводил в высший смысл человеческого бытия, можно заметить и в позиции Ортеги-и-Гассета, интерпретировавшего жизнь человека преимущественно как творческий проект. Ортега приходит к открытию «спортивного смысла жизни», который во многих чертах был сходен ницшеанскому дионисическому истоку жизни. Ортега исходил из того, что разум человека не только «подпитывается» жизненной энергией, творческими дионисическими порывами, но и черпает свою духовную силу из исторического процесса, верований и мировоззрения той или иной исторической эпохи. Каждая эпоха вырабатывает свой собственный дух, свои жизненные ценности, идеи и верования. Природа разума имеет не столько логическую, сколько жизненную и историческую основу. Автономизация рационального начала, по которому пошла европейская философия, с точки зрения испанского философа, привела европейскую культуру к фундаментальному антропологическому и духовному кризису. Вследствие кризиса на авансцене всемирной истории появился массовый человек с его потребительским, сугубо утилитарным и прагматическим отношением к жизни.

Ведущей темой современной эпохи Ортега считал проблему поиска выхода из антропологического и культурного кризиса, поставившего европейское человечество на грань гуманитарной катастрофы. Спасение и возрождение Европы Ортега видел в том, чтобы подчинить физический разум жизненному, перейти от формального логического разума к историческому. Человек нуждается в новом откровении [2, с. 206].

Вместе с тем испанский философ отмечал признаки наступления новой эпохи, в основе мироощущения которой лежит спортивное или праздничное чувство жизни. Спортизация жизни как процесс, обозначившийся в начале XX в., была ответной реакцией на мировоззрение предыдущего века. XIX век, по мнению Ортеги, обязывал человека трудиться, совершать определенные действия, усилия, обожествлял труд. Труд трактовался им как неквалифицированное усилие, лишенное качества и собственной значимости осуществляемое в силу необходимости. Трудовая деятельность характеризуется однородным чисто количественным характером. Труд противостоит иной тип усилия, рождающийся не из принуждения и необходимости, а являющийся вольным щедрым импульсом жизненных возможностей, – это спорт [3, с. 43]. Если в труде смысл и ценность усилию придает цель действия, то в спорте в достоинство возводится само это спонтанное усилие, которое не требует вознаграждения и представляет собой выражение избытка внутренней энергии человека. Таким образом, данное специфическое качество спортивного усилия, которое всегда является выдающимся и неповторимым, Ортега противопоставлял труду, который всегда подчинен весу и мере и предполагает вознаграждение. Ценность и качество создаются только в творческом спонтанном процессе, носящем характер антиэкономического усилия [там же]. Спортивное усилие лежит в основе таких явлений духовной жизни человека, как научное и художественное творчество, политический и моральный героизм, религиозная святость, которые порождают утонченные и оригинальные результаты. Последние достигаются не по заранее составленному плану, а скорее представляют собой порожденные через акт спонтанной свободы продукты творческой энергии человека. В этом проявляется игровой характер жизни, которая упражняется в свободном выходе энергии, придающей спортивному усилию дух радости и щедрости, столь характерные для спорта. Жизнь, таким образом, создает свои блестящие творения через спортивную игру, даже шутство, не придавая им большой важности. Творчество поэта уподобляется спортивной игре футболиста, который создает свои стихи «одной левой». Ортега полагал, что XIX век довел до предела горечь рабочего дня [там же]. Поколения, родившиеся в XX в., больше смотрят на жизнь сквозь призму празднества, утверждая героизм как новый утонченный спортивный жест, с которым человек бросается за пределы собственной жизни [там же, с. 44].

Новый спортивный стиль жизни в XX в., по мнению Ортеги, стал очень заметен не только в искусстве, представители которого всё чаще стали отождествлять свою творческую деятельность с праздничностью

спортивных игр и развлечений, но и на страницах газет, придававших спорту культовое значение [4, с. 249]. XX век возрождает культ тела и телесности, который, по мнению Ортеги, означал наступление эпохи юности, в то время как культ духа, столь характерный для прошлых веков, свидетельствовал скорее о воле к старению, так как дух достигает вершины своего развития лишь тогда, когда тело вступает в период упадка. Торжество спорта означает победу юношеских ценностей над ценностями старости. Европа вступает в эпоху ребячества [там же, с. 249–250]. Сходные идеи высказывал, как известно, и Ницше, видевший в молодости и юности период цветения жизни, а в старости – увядание.

Отождествление Хосе Ортегой-и-Гассетом «спортивных игр» и «развлечений» с искусством вызвало критические возражения нидерландского философа и культуролога Й. Хейзинги. В своей книге «*Homo Ludens. Человек Играющий*» Хейзинга резко разграничил игру и спорт как принципиально разные виды человеческой деятельности, качественно неравноценные по их роли в истории человеческой культуры и в воспитании высших способностей человека [5, с. 33]. В отличие от Ортеги нидерландский философ трактовал спорт как социальный феномен цивилизации, специфическую соревновательную деятельность.

Антропология Хосе Ортегой-и-Гассета базировалась на идее существования внутри биологического и утилитарного человека другого, расточительного и спортивного, представляющего собой более глубокий пласт человеческой экзистенции. Саму жизнь, в том числе жизнь органическую и биологическую, Ортега интерпретирует как грандиозное спортивное явление, которое невозможно понять и объяснить исключительно посредством понятий утилитаризма.

Понимание Ортегой спорта как важнейшего компонента человеческой природы связано с его общими онтологическими и экзистенциальными представлениями о сущности и природе жизни. Сущность человеческого бытия Ортега видел в практике, человеческих действиях в мире, которые рассматривались им как конститутивные для человека: человеческое – лишь то, что я делаю, лишь поскольку оно имеет для меня смысл [6, с. 274]. Ортега всецело разделял тезис экзистенциализма о том, что человек оказывается заброшенным в мире, воспринимает окружающую среду как чужеродную. Человеческая жизнь, однако, не может быть исчерпана только состоянием отчаяния и отчуждения. Вместе с тем, сталкиваясь лицом к лицу с чуждой реальностью, человек продолжает бороться перед лицом жизненных невзгод, преодолевает свой экзистенциальный страх. Жизнь не дана человеку готовой, ее следует творить как жизненный проект, она не субстанциональна, а является скорее динамическим процессом, творческим заданием и вызовом для человека. Не трудно заметить сходность философской позиции Ортеги с размышлениями о сущности человеческого бытия таких видных экзистенциалистов того времени, как, например, Ж. П. Сартр, М. Хайдеггер.

Жизнь каждого человека представляет собой открытый проект, и существование ставит перед ним задачу осуществить данный проект в

меру своих возможностей, учитывая обстоятельства, в которых он находится. Для человека существование превращается в «поэтическую задачу, подобную задаче драматурга или романиста: придумать сюжет для своего существования, придать ему характер, который сделает его одновременно суггестивным и привлекательным» [7, р. 83].

Исходя из ключевых тезисов экзистенциализма Ортега не разделял мысли о человеческом существовании как исключительно отчаянном и трагическом. Лишь отчасти соглашаясь с М. Хайдеггером в том, что жизнь есть страдание, Ортега отмечал, что она есть также и предприятие [ibid.]. Сущность жизни человека во многих своих работах он сравнивал как с поэтом, пишущим историю своей собственной жизни, так и очень часто прибегал к фигуре спортсмена, метафоре спорта, при помощи которой пытался понять глубину человеческого бытия. В этом смысле жизнь каждого человека есть игра, несмотря на все превратности, которыми наполнено его существование в мире. В понимании Ортеги фигура спортсмена столь же благородна и глубока, как и фигура художника [ibid.]. Для Ортеги метафора спорта в сущности означала наиболее глубокий слой человеческой экзистенции.

Человеческая жизнь представлялась ему сотканной не только из отчаяния, но и из стремления, желания сделать из себя то, что можно. В каких бы неблагоприятных условиях ни находился человек, какие бы жизненные невзгоды на него ни обрушивались, он всё равно стремится к расширению своих возможностей, борется за более лучшие условия для своей жизни, добровольно принимает на себя страдания и болезненные усилия для того, чтобы взять верх над жизненными обстоятельствами, в которых он оказался. Это и составляет, по мнению Ортеги, сущность спортивного усилия в жизни. Иными словами, в основе спортивного стремления лежит не только воля к жизни, но и заключается сущность человеческой жизни как игры, спонтанной эманации жизненной энергии и силы, творческой их растраты. Ортега отмечал, что наше существование напоминает спортивную игру. В каждую эпоху преобладает тот или иной набор форм, и жизнь состоит в том, чтобы сыграть в них как можно лучше. Со временем происходит гипертрофия этих форм, и изначальное живое содержание полностью изживается [8, с. 150].

Ортега рассматривает спорт как нечто среднее между изнурительной серьезностью необходимого труда и совершенно капризной природой игры. Спорт является серьезным усилием и занятием, но он также включает в себя элемент игры, который уравнивает серьезность жизни. Сочетание серьезности и игрового начала в спорте в точности соответствует самому человеческому состоянию, его экзистенциальной глубине. Таким образом, истинное человеческое состояние включает в себя как участие в серьезном деле жизни, так и самосозидание, творческое конституирование человеческой природы, которая не задана, а всегда потенциально открыта для изменения и преображения.

Спортивная сущность человеческого бытия состоит в том, что человеческая реакция на жизнь, в отличие от животной, носит в своей осно-

ве фундаментально «спортивный» характер. Спорт, по выражению Ортеги, является микрокосмом той экзистенциальной ситуации, которой является человек [7, р. 84]. С этой точки зрения человек является как бы экзистенциальным и метафизическим спортсменом, вовлеченным в игру, называемую человеческой жизнью. Посредством деятельности и активности человек вовлекается в данную игру для того, чтобы придать жизни определенное направление и смысл. Человек, таким образом, наполняет бытие смыслом, осмысливает его, совершая спортивное усилие. Спортивная и игровая деятельность являются сущностью человеческого существования именно в той мере, в какой они могут придать смысл и цель жизни индивида, которая в противном случае была бы их лишена.

Любопытно отметить, что спортивным духом Ортега наделял такую, казалось бы, далекую от спорта форму духовного освоения действительности, как философия. Характеризуя философию как спортивную игру, Ортега приводит слова Платона о ее сущности как «науки спортсменов» [3, с. 96]. Философию можно сравнить с приятным занятием, склонностью, увлечением. Философ, уподобляясь спортсмену, стремится в первую очередь скомбинировать понятия как части головоломки. Такая точка зрения на философию для Ортеги была более предпочтительной, чем всякие высокопарные ее определения. Как и все великие занятия человека она носит спортивный характер и заимствует у спорта бескорыстность и глубокую сосредоточенность [там же, с. 109]. К философии надо подходить в том же расположении духа, в котором люди занимаются спортом или предаются игре [там же, с. 111]. Спорт есть усилие, но усилие в отличие от работы не навязанное, не преследующее выгоды, а проявляющееся свободно как роскошь, которую нам нравится себе позволять, которая приятна сама по себе [там же, с. 112].

Осмысливая новейшие идеи экзистенциализма первой половины XX в., Ортега приходит к умозаключению, что жизнь в своей сокровенной глубине состоит не только из Ничто и «тоски», но также из бесконечной спортивной радости. Именно радостное и спортивно-игровое чувство порождает великую интеллектуальную игру – теорию и, в частности, ее высшее проявление – философию [там же, с. 317].

По мнению Ортеги, жизнь есть глубокое антагонистическое единство двух сущностных измерений: смерти и вечного возрождения или воли к существованию, опасности и дерзкого вызова, «отчаяния» и праздника, «тоски» и спорта. Уже в своих первых работах он противопоставлял идею «трагического смысла жизни» спортивному и праздничному ее смыслу. Спортивное чувство жизни ориентирует человека на добровольное принятие страдания, спорт может в некоторых случаях стать очень тяжелым, иногда смертельным усилием, совершаемым без всяких прагматических выгод [там же, с. 320].

Философия как особая духовная деятельность, с точки зрения Ортеги, сходна с радостным стилем поединков и спортивных состязаний. Она является такой же игрой, как метание диска или борьба. Философствованию больше соответствует не тягостная серьезность жизни, а алкиони-

ческая жизнерадостность спорта, игры [там же, с. 325–326]. Философия – эта теория, которая живет в алкионически светлом воздухе спорта, игры [там же, с. 334]. Человеческое существование сродни спорту, приятен не результат, а просто само усилие [там же, с. 341].

Спортивная концепция жизни Ортеги была сходна с идеей Ницше о жизни как спонтанном и незаинтересованном свободном излиянии жизненной энергии. Позитивистский утилитаристский взгляд на жизнь как удовлетворение насущных потребностей и получения пользы для Ортеги был неполным и поверхностным. Истинным ему представлялась трактовка жизни, как включающей в себя игровое начало, которое он собственно и называл спортом. Категорию спорта он интерпретирует, в первую очередь, как игру, ценную тем, что в ней находит свободное и спонтанное осуществление энергия человека. Спорт как соревновательная деятельность, где важным является результат, представлялся ему лишенным своей онтологической и экзистенциальной глубины. Классическим образцом спорта он считал охоту, в которой игровое спонтанное начало в человеке наиболее всего проявляет себя [там же, с. 386].

Духу спорта, по мнению Ортеги, наиболее соответствует воинский дух, мироощущению которого прямо противоположен дух промышленного общества. Отличительная черта воинского духа – готовность рисковать не во избежание, а во имя опасности [9, с. 112]. Подобный душевный настрой в современном обществе проявляет себя более всего в спортивной деятельности. Игра и спорт, по мнению Ортеги, понятия близкие, но не тождественные. Разница между ними в том, что спорту в отличие от игры имманентен риск как его важнейший атрибут. Спортсмен – это в первую очередь тот, кто не уклоняется от опасности и идет ей навстречу [там же]. В наши дни воинский дух наиболее всего проявляется в спортивной деятельности, культивирующей опасность [там же, с. 114].

Антропологическим типом в истории западной культуры, который более всего предавался игре, был тип джентльмена. Данный тип личности вырабатывается, как считает Ортега, в краткие моменты существования, когда человека не гнетут тяжести и скорби жизни. Если человек играет, значит, он чувствует себя абсолютно уверенным и обеспеченным по отношению к элементарным жизненным требованиям [2, с. 202]. Игра как явление представляет собой роскошь жизни и предполагает заранее обретенную власть над низшими уровнями существования. Ортега отмечал, что только в условиях удовлетворения элементарных жизненных потребностей дух человека способен развиваться в просторных рамках покоя, может позволить себе роскошь играть по правилам, честно, быть справедливым, защищая свои права и одновременно, признавая права ближнего, никогда не прибегая к обману. Обман – фальсификация, отрицание самой игры [там же, с. 203]. Игровое усилие всецело зиждется на самом себе и не связано с заботой, отчуждением, которые вызваны в трудовой деятельности необходимостью достичь поставленных целей любой ценой [там же]. Именно такой тип существования с определенно-го исторического момента возобладавал среди английской аристократии.

Джентльмен стремится жить в подлинном мире максимально насыщенной жизнью. Главная стихия атмосферы джентльмена пронизана чувством жизненной свободы, основана на преизбытке власти над обстоятельствами. Человек, желающий претворить существование в спорт и игру, являет собой полную противоположность мечтателю. Такой человек серьезнейшим образом старается утверждать свое господство как над обстоятельствами жизни, так и над другими людьми. Земная жизнь для подобной категории людей приобретает очарование игры. Джентльмен огромное количество времени старается посвящать культивированию собственного тела, облагораживанию самых низменных функций жизни [там же, с. 204]. Более всего в своей жизни он стремится к здоровью духа и тела [там же, с. 205]. Противоположностью джентльмена является интеллигент, т. е. человек исключительно интеллектуального склада.

Итак, философские размышления Хосе Ортеги-и-Гассета о спорте во многом были инспирированы философией жизни, в частности концепцией Ф. Ницше о дионисическом начале, а также некоторыми идеями видных экзистенциалистов первой половины XX в. Понятие «спорт» Хосе Ортега-и-Гассет интерпретировал в метафизическом и символическом контексте. Ему был чужд чисто научный и академический взгляд на спорт как социальное явление. Рецепция спорта основывалась в большей степени на философско-антропологических и экзистенциальных основаниях, чем социально-философских. Этим его концепция спорта существенно отличается от большинства философско-социологических теорий спорта, доминирующих в современных спортивных науках и философии спорта, в частности, которые определяют сущность спорта в широком смысле – как социальный институт, возникший при определенных культурно-исторических условиях развития общества, в узком смысле – как соревновательную деятельность.

Литература

1. *Sancho J. C. Ratiovitalistic hermeneutics and sport in the perspective of Ortega y Gasset / J. C. Sancho // Sport, ethics and philosophy. – 2016. – Vol. 10. – № 4. – P. 416–429.*
2. *Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды : пер. с исп. / Х. Ортега-и-Гассет ; сост., предисл. и общ. ред. А. М. Руткевича. – М. : Весь Мир, 1997. – 704 с.*
3. *Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? / Х. Ортега-и-Гассет. – М. : Наука, 1991. – 408 с.*
4. *Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. Дегуманизация искусства. Бесхребетная Испания : [сб. : пер. с исп.] / Х. Ортега-и-Гассет. – М. : АСТ : СТ МОСКВА, 2008. – 347 с.*
5. *Ортега-и-Гассет Х. Эстетика. Философия культуры / Х. Ортега-и-Гассет ; вступ. ст. Г. М. Фридендера ; сост. В. Е. Багно. – М. : Искусство, 1991. – 588 с.*
6. *Ортега-и-Гассет Х. «Дегуманизация искусства» и другие работы : эссе о литературе и искусстве : сборник : пер. с исп. / Х. Ортега-и-Гассет. – М. : Радуга, 1991. – 639 с.*
7. *Inglis D. Meditations on sport : on the trail of the Ortega y Gasset's*

philosophy of sportive existence / D. Inglis // Journal of the philosophy of sport. – 2014. – Vol. 31, № 1. – P. 78–96.

8. *Ортега-и-Гассет Х.* Веласкес. Гойя : пер. с исп. / Х. Ортега-и-Гассет ; вступ. ст. И. В. Ершовой, М. Б. Смирновой. – М. : Республика, 1997. – 351 с.

9. *Ортега-и-Гассет Х.* Камень и небо : пер. с исп. / Х. Ортега-и-Гассет. – М. : Грант, 2000. – 288 с.

Уральский государственный университет физической культуры

Шумской А. В., кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук

E-mail: shav.82@mail.ru

Ural State University of Physical Culture

Shumskoy A. V., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Social and Humanitarian Sciences Department

E-mail: shav.82@mail.ru